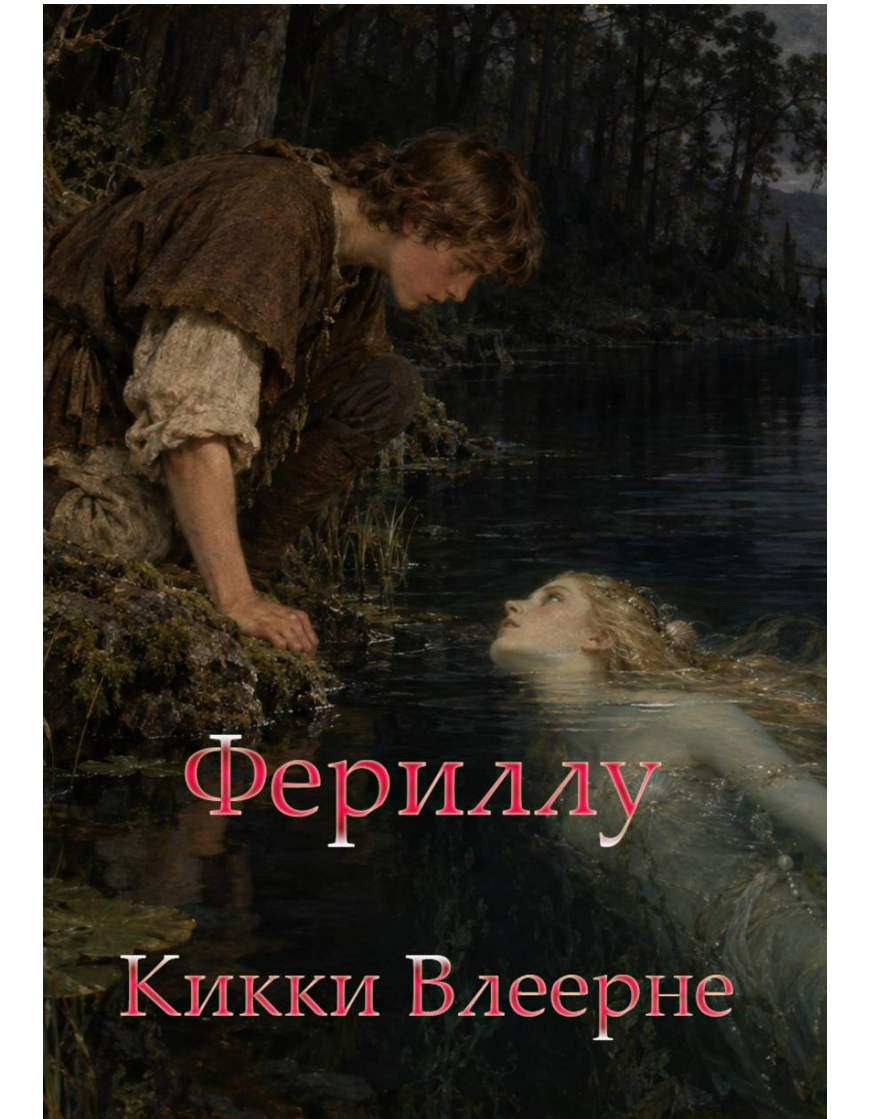




Фериллу

Кикки Влеерне

Кикки Влеерне Фериллу

<https://litres.ru/74639607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вельда живёт в лесу, далеко от людей и их суеты. Её жизнь спокойна и уединена — до той ночи, когда её сон нарушает голос, взывающий из тумана. Кто-то, где-то в темноте, просит помощи. Просит обрести покой, который не может найти сам.

Вельда не знает, кто зовёт её. Но голос звучит так отчаянно, что фея не может не ответить. Она отправляется в заброшенный деревенский дом, следуя только инстинкту и неясным видениям.

Там, в старых стенах, окутанных молчанием и забвением, начинается разворачиваться история, которая тянет Вельду всё глубже и глубже. Каждый ответ рождает новый вопрос. Каждый поворот судьбы открывает перед ней новые тайны — о людях, о чувствах, о самой себе.

Вельде придётся столкнуться с чем-то неожиданным, переживать чувства, которые она не знала, что может испытывать, и сделать выбор, который коснётся не только того, кого она пытается спасти, но и её самой.

Истинное приключение начинается не с поиска дороги, а с готовности понять, куда эта дорога ведёт.

Содержание

Введение.	4
Глава 1.	9
Глава 2.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кикки Влеерне Фериллу

Введение.

Полуденное солнце стояло высоко. Оно царило над волшебным лесом безраздельно и самодовольно — заливало поляны густым золотом, дробилось в ручьях на тысячи мелких искр, прогревало кору деревьев до приятного смолистого запаха. Лес жил своей неторопливой дневной жизнью: жужжали шмели, перекликались птицы, где-то в зарослях папоротника деловито возился ёж. Листва шелестела так мягко и равномерно, что шелест этот превращался не в звук, а в фон — тёплый, убаюкивающий, совершенно необходимый для послеполуденного сна.

Вельда знала это и пользовалась этим знанием с полной ответственностью.

Она лежала на спине, заложив руки за затылок, на широкой ветке старого дуба — одного из немногих уцелевших великанов этого леса. Большинство его собратьев давно исчезли, уступив место молодым, суетливым, ничем не примечательным деревьям. Этот стоял. Его ствол был так широк, что троим не обхватить, кора — изрезана морщинами про-

житых веков, а крона раскидывалась вширь с той неторопливой уверенностью, которая бывает только у тех, кто давно перестал что-либо доказывать.

Ветка, облюбованная Вельдой, находилась достаточно высоко, чтобы большинство неприятностей оставалось внизу. Мох на ней был мягким и тёплым. Солнечные пятна скользили по лицу сквозь листву — не слепили, а именно скользили, лениво и приятно.

Крылья Вельды — тонкие, янтарно-золотые, пронизанные прожилками как осенний лист, поднесённый к свету — были сложены под спиной, образуя нечто среднее между подушкой и гнездом. Волосы разметались по мху в полном беспорядке, на который ей было совершенно всё равно. Лицо — то самое, которое в иных обстоятельствах умело принимать выражение подобающей серьёзности — сейчас выражало единственное: полное и безоговорочное блаженство.

Лес дышал и солнце грело. Ветер качал ветку едва-едва. Идиллия была абсолютной. Именно поэтому она, разумеется, не могла продолжаться.

— Эй, Вельда!

Писк был таким пронзительным, что птицы с соседней ветки взлетели все разом, а сама Вельда подпрыгнула — в буквальном смысле, оторвавшись от ветки — и крылья раскрылись прежде, чем она успела что-либо осознать. Она зависла в воздухе на долю секунды, потом перевернулась и, с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего, све-

силась с ветки вниз.

У корней дуба, в пятнах солнечного света, стоял кобольд. Маленький, кряжистый, с кожей цвета старой коры и ушами, торчащими в стороны под углом. Он задирает голову вверх, прикрывая глаза ладонью от полуденного солнца, и нервно мял в руках рыжий колпак — скручивал, раскручивал, снова скручивал.

— А? — произнесла Вельда с интонацией человека, которого выдернули из самого лучшего места в мире. — Что? Что такое? Что тебе, кобольд?

— Чего ты спишь?! — возмущённо пискнул тот. — Солнце ещё не село!

Вельда медленно перевела взгляд на небо. Солнце стояло ровно там, где и стояло — в самом зените, круглое, самодовольное, никуда совершенно не торопящееся. Фея изучала его несколько секунд с видом специалиста, проверяющего чужое утверждение и находящего его в лучшем случае спорным.

— И? — произнесла она.

Одно слово. Но с такой законченной интонацией, что кобольд поперхнулся всем, что собирался сказать следом.

— Но ты ведь Фея! — выпалил он, собравшись. — Хранительница нашего леса! Ты избрана самими духами леса и должна блюсти порядок! Сегодня старый дуб у большого валуна сбрасывает листья не по сезону и никто не понимает почему, плющ на восточном склоне душит молодые вязы и

те уже скрипят от отчаяния и ещё тисы на холме...

— Послушай, — перебила его Вельда.

Голос был ровным и очень отчётливым — без раздражения и без спешки, что оказывалось куда более действенным, чем любой повышенный тон.

— Дуб у жертвенного камня сбрасывает листья в полдень каждого третьего года — это не болезнь, это его разговор с землёй, и я объясняла это уже дважды тем, кто умел слушать. Плющ получил согласие от вязов ещё прошлой осенью — я сама была свидетелем этого договора, скреплённого первым заморозком. — Она чуть приподняла бровь.

— Но тисы...

— Тисы, что недалеко от озера, — сказала она спокойно, — стояли ещё до того, как первый человек увидел наш лес. Они простоят ещё один день без моего вмешательства. Это я обещаю с полной уверенностью.

— На что?! — не выдержал кобольд.

Вельда посмотрела на него.

Это был особый взгляд — спокойный, без тени злости или пренебрежения, что делало его только убедительнее. Взгляд, который без единого слова сообщал собеседнику всё необходимое о его текущем месте в иерархии происходящего — и место это было весьма скромным. Настолько скромным, что кобольду внезапно стало неудобно, хотя Вельда не пошевелила и пальцем.

Кобольд открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Потом что-

то пробурчал себе под нос — достаточно тихо, чтобы потом иметь возможность сделать вид, что ничего сказано не было. Колпак в его руках был скручен уже в тугую безнадежный жгут. Поколебавшись ещё мгновение и не найдя ничего достойного в ответ, он развернулся и ушёл, раздражённо хрустя желудями под ногами. Вельда проводила его взглядом.

— Желуди, — произнесла она тихо, ни к кому конкретно не обращаясь, — между прочим, тоже живые.

И невозмутимо закрыла глаза. Вельда с нескрываемым удовольствием перевернулась на спину, снова заложила руки за затылок и позволила солнцу и тишине вернуться на законные места.

Глава 1.

Сон пришёл быстро. Но это был уже совершенно другой сон. Туман появился ниоткуда. Не тот привычный — лёгкий, полупрозрачный, пахнувший росой и утренней прохладой, что мирно стелется по низинам и исчезает к полудню без следа. Этот был иным. Тёмным. Густым почти до материальности. Холодным той глубокой, пронизывающей сыростью, что оседает на коже и не уходит, сколько бы ты ни пытался её стряхнуть. Он пришёл со всех сторон сразу. Вельда шла. Она не помнила, как оказалась на ногах — не помнила перехода между ветвью дуба и этой бесформенной темнотой. Просто в какой-то момент обнаружила себя идущей вперёд, и это казалось единственно возможным. Туман стоял перед лицом так плотно, что вытянутая рука пропадала в нём прежде, чем успевала выпрямиться до конца. Крылья намokли от холодных капель и отяжелели. Под ногами было что-то твёрдое — лишённое фактуры, лишённое названия.

Она шла и молчала. Паниковать было незачем — паника требует понятной угрозы, а здесь не было ничего понятно-го вообще. Оставалось наблюдать. Держать мысли в порядке. Идти вперёд. Вельда умела это — удерживать внутреннее равновесие там, где внешнее давно исчезло. Это не всегда давалось без усилий, но давалось.

И тут впереди что-то вспыхнуло.

Красный свет — яркий, резкий, почти болезненный — пробил туманную завесу на долю секунды и угас. Вельда остановилась, не двигаясь. Потом свет появился снова — уже другой: пульсирующий, глубокий, похожий на уголь, что ещё тлеет, но уже из самых последних сил.

— Вельда...

Прозвучал голос. Низкий, странно искажённый — расстоянием, или природой этого места, или чем-то третьим, чему у неё не было подходящего слова. Словно произнесённый сквозь несколько слоёв чего-то плотного и непроницаемого. Но дело было не в том, как он звучал. Дело было в том, что между словами, в паузах, в самом дыхании слышалась усталость — такой глубины, что делалась почти осязаемой. Усталость существа, которое несёт что-то тяжёлое уже очень, очень долго.

— Хранительница чудесного леса... Прошу...



Вельда не двигалась. Незнакомые голоса в тёмном тумане — именно тот случай, когда торопливость неуместна. Но что-то удерживало её от того, чтобы развернуться. Что-то в самой природе этого голоса — не угрожающее, не лукавое. Что-то совершенно противоположное.

Она пошла на него. Туман расступался с неохотой — клочьями, тут же смыкаясь за спиной, словно живой и не желающий пропускать. Красный свет пульсировал впереди — то разгораясь немного ярче, то почти угасая — и в этой неровности было что-то похожее на прерывистое дыхание человека, который давно устал, но продолжает держаться.

— Молю тебя...

— Кто ты? — спросила Вельда.

Тишина. Долгая, натянутая.

Красный свет дрогнул.

— Заблудший странник своего отчаяния, — произнёс голос наконец.

Вельда чуть нахмурилась — едва заметно. Не имя — состояние. Не «кто», а «каков». Так отвечает тот, кто давно утратил первое и живёт только вторым.

— Чем я могу тебе помочь?

Пауза. Красный свет пульсировал — медленно, неровно.

— Приходи ночью, — произнёс голос. — В дом, у которого растёт куст сирени.

Вельда шла вперёд. Красный силуэт был уже совсем близко — размытый, нечёткий, небольшой. Что-то пульсирующее в тумане, явно не желающее быть увиденным отчётливо.

— Дай мне взглянуть на тебя, — сказала она просто.

Туман вокруг красного огня немедленно пришёл в движение.

Суетливое, почти паническое. Силуэт отступил. Свет задрожал и забился неровно. И голос — только что такой усталый, такой тихий, такой выжатый — вдруг надломился. В нём появилось нечто острое. Загнанное. Страх — не угрожающий, а именно страх. Страх того, кого вот-вот увидят и узнают.

— Ты... — голос сорвался. Пауза. Ещё одна. — Ты... меня у-у-узнаешь...

Последнее слово растворилось в темноте прежде, чем

успело прозвучать полностью. Красный свет погас. Тьма сомкнулась — полная, абсолютная, беззвучная.

Вельда стояла неподвижно и смотрела туда, где только что билось алое мерцание. Полуденный лес, дуб, мох, тепло — всё это казалось сейчас чем-то из другой жизни.

В голове держалась одна мысль — не тревожная, а именно такая, от которой не избавиться: острая, цепкая, настойчивая.

Кто настолько боится быть узанным? И почему этот голос — сквозь туман, сквозь все искажения, сквозь холод и темноту — кажется ей знакомым?

День умирал неторопливо и красиво. Закат растёкся по небу широкими полосами — от глубокого пурпура у самого горизонта до бледного, почти белого золота там, где небо ещё хранило память о солнце. Лес под этим светом изменился: тени вытянулись и стали мягкими, цвета потемнели и насытились, а воздух приобрёл ту особую вечернюю плотность, что несёт с собой запахи остывающей смолы, влажного мха и чего-то неуловимого — не то приближающейся ночи, не то перемен.

Вельда открыла глаза. Несколько мгновений она лежала неподвижно, глядя в переплетение ветвей над головой и позволяя сознанию вернуться из глубин, куда её утянул сон.

Возвращение давалось не сразу — сон цеплялся, не желая отпускать. Красный свет, пульсирующий в темноте. Голос, произносящий её имя с такой усталостью, что становилось почти больно слушать. Туман, густой как забвение.

Она села и потёрла лицо ладонями. Голод дал о себе знать немедленно — тупой и настойчивый, совершенно не желающий считаться с тем, что у неё есть дела поважнее. Вельда запустила руку в дупло рядом с собой и нашарила небольшой узелок — горсть черники, припасённой ещё утром. Ягоды были тёплыми, чуть помятыми, но вполне пригодными. Она ела медленно, глядя на закат сквозь листву, и думала.

— Кем является этот голос? — пробормотала она негромко, словно рассуждая вслух перед кем-то невидимым. — Или чем? Страждущий, что молит о помощи и при этом страшится быть узнанным — это уже само по себе противоречие, требующее разрешения.

Она доела последнюю ягоду и посмотрела на пальцы — синие от сока.

— Дом с кустом сирени. Он не должен быть далеко от нашего леса. Иначе как бы этот заблудший вообще знал, кто я такая.

Решение созрело само собой — без колебаний и лишних рассуждений. Вельда соскользнула с ветки, на лету расправив крылья, и подняла с развилки свой плащ.

Плащ был длинным, тёмно-зелёным — когда-то насыщенного, глубокого оттенка, но солнце и годы взяли своё. Цвет

выгорел неравномерно: местами стал оливковым, местами почти серым, а капюшон выцвел сильнее всего и теперь был скорее цвета старого мха, нежели живой листвы. Вельда относилась к этому с полным равнодушием. Плащ был удобным и не стеснял крылья — что ещё нужно для дела.

Она накинула его на плечи не застёгивая, распахнула крылья в полную ширину и одним сильным взмахом ушла вверх, пробив лиственный полог. Волшебный лес остался внизу — зелёное море крон, уже тронутое синеватыми тенями вечера. Вельда взяла направление к западу, туда, где деревья редели и начинался открытый мир с его дорогами и людьми.

На границе леса она опустила в высокую траву, сложила крылья вдоль спины и запахнула плащ, тщательно натянув капюшон. Здесь, где волшебство заканчивалось и начинался обычный мир, лучше было не привлекать лишнего внимания. Дорога оказалась там, где она и ожидала — неширокая, разбитая колеями, поросшая по краям лопухом и подорожником. Вельда вышла на неё и огляделась.

Повозка показалась из-за поворота почти сразу — небольшая, с высокими бортами, доверху набитая корзинами всевозможных размеров. Правил ею пожилой мужчина: широкоплечий, сутулый, с бородой цвета мышинной шерсти и руками, которые явно знали, что такое настоящая работа. Лошадь шла неторопливо, позвякивая упряжью.

Вельда подняла руку. Старик натянул поводья. Повозка остановилась со скрипом и негромким перезвоном корзин.

— Добрый вечер, — сказала Вельда. — Не соблаговолите ли сказать мне — нет ли в сих окрестных места дома, у которого растёт куст сирени?

Старик прищурился, разглядывая её с той осторожной внимательностью, с которой деревенские люди всегда смотрят на незнакомцев, появившихся на дороге в вечерний час.

— Дом с сиренью, говоришь? — произнёс он, почёсывая бороду и отворачивая голову в сторону — жест человека, который думает всем телом. — Хм-м-м...

— Возможно, он стоит в каком-либо городке неподалёку, — добавила Вельда.

— М-м-м... — старик помолчал ещё немного, потом кивнул с видом человека, у которого наконец сложилось. — А! Есть такой домишко. Да только, девица, место то нехорошее. Говорят — проклятое.

— Мне всё равно, — сказала Вельда спокойно. — Где он?

— В Манмире, в городке тамошнем, — старик кивнул в сторону дороги. — Вёрст десять отсюда, коли прямо ехать.

— Благодарю вас, — Вельда уже развернулась, но старик окликнул её.

— Стой-ка, девица. Пешком, что ли, пойдёшь?

— Разумеется.

— Дак до утра только доберёшься, — он покачал головой. — Да и дорога-то нынче беспокойная. Всякое водится по темноте.

— Всякое? — Вельда чуть приподняла бровь под капю-

шоном.

— Ну... чудовища там, или лихие людишки, — старик неопределённо махнул рукой. — Непокойно, одним словом.

Вельда посмотрела на темнеющее небо. Потом на дорогу. Потом снова на старика.

— Я согласна ехать, коли вы не против составить мне компанию до Манмира.

— Залазь, — просто сказал он.

Повозка тронулась неторопливо — мерным, размеренным ходом, каким ездят те, кто давно перестал торопиться. Сумерки наступали постепенно, заполняя пространство между деревьями синеватой дымкой. Дорога шелестела под колёсами. Лошадь фыркала. Корзины тихо постукивали на ухабах.

Вельда сидела, наблюдая за тем, как деревья по обочинам превращаются из отдельных стволов в единую тёмную стену, и невольно начинала дремать — сон, прерванный закатом, явно считал, что с ним обошлись несправедливо.



— Ты, девица, никак кого-то ищешь? — подал голос старик.

Вельда встрепенулась.

— Простите?

— Я говорю — дом-то с сиренью, — он покосился на неё сбоку. — Ждёт тебя там кто, что ли?

— Можно сказать и так, — ответила она осторожно. — А отчего вы спрашиваете?

— Да я, вишь... слышал кое-чего про тот дом, — старик помолчал, и в этом молчании было что-то неуютное. — Говорят тамошние люди — стоны оттуда по ночам слышны. Завывания всякие. А дом-то уж с месяц как пустой стоит, хозяев нету.

— И никто не пытался войти туда? — спросила Вельда.

— Как не пытался, — старик снова замолчал. На этот раз пауза затянулась значительно дольше, и Вельда уже открывала рот, чтобы переспросить, но он заговорил сам — медленнее, чем прежде. — Один из мужиков тамошних пробовал в дом войти...

Он осёкся.

Вельда посмотрела на него внимательнее. Старик смотрел на дорогу перед собой, но взгляд его был где-то далеко — там, куда люди смотрят, когда вспоминают что-то, о чём предпочли бы не вспоминать.

— Что с вами, дедушка? — сказала она тише. — Вы смотрите так, будто сами этого призрака повстречали.

— Э... можно и так молвить, — он прокашлялся, и в голосе его что-то изменилось — стало суше, отрывистее, как у человека, который заставляет себя говорить. — В общем, дверь заперта намертво. Стучали — и тут, значит, всё смолкало разом. Ни звука. Тишь — до следующей ночи. А в окна заглядывали — пусто. Хоть шаром покати, никого нет.

Вельда сузила глаза.

— Позвольте уточнить, — сказала она. — Вы сказали, что после стука всё стихает вплоть до следующей ночи?

— Именно так тамошние и бают, — подтвердил старик, покивав. — Днём — тишь да гладь. Только ночью и голосит.

— Я поняла. — Вельда на мгновение задумалась, перебирая в голове сказанное. — А что именно было слышно?

Просто стоны — или что-то похожее на слова?

— Ну-у-у-у... — старик потянул с явной неохотой. — Слова-то там были, да только неразборчивые совсем. Завывания, речи какие-то непонятные, чужие. — Он помолчал. — Из всего этого только одно слово и удавалось разобрать.

Пауза.

— Какое? — тихо спросила Вельда.

— Вельда, — сказал старик просто. — Вот и всё слово, что ясно было. Вельда.

Тишина упала между ними как камень в воду.

Вельда почувствовала, как что-то холодное прошло по спине — не от ночного воздуха. За мгновение, пока старик смотрел на дорогу, на её лице промелькнуло что-то острое и незащитное — совсем не то выражение, что она обычно позволяла себе носить. Быстро. И исчезло, убранное прежде, чем он успел заметить.

— Что с тобой, девица? — старик покосился на неё. — Я что не то сказал?

— Нет, — ответила она ровно. — Всё в порядке.

Это была неправда, и они оба это знали — но старик был достаточно мудр, чтобы не настаивать.

Остаток пути они ехали молча.

Лошадь мерно цокала по дороге. Корзины тихо постукивали. Ночь окончательно накрыла всё вокруг, оставив только узкую полосу дороги в свете звёзд и тёмные силуэты деревьев по сторонам. Вельда смотрела прямо перед собой, и в

голове у неё складывалось что-то, что никак не хотело принять окончательную форму — но контуры уже были видны отчётливо.

Существо в том доме знает её имя. Оно звало именно её — не кого-то другого, не случайного прохожего. И при этом боится быть узнанным.

Это сочетание не давало покоя. И чем дольше она думала об этом, тем отчётливее становилось ощущение, что ответ где-то совсем рядом — и что он ей не понравится.

Повозка замедлилась и остановилась с привычным скрипом колёс и тихим позвякиванием упряжи.

— Приехали, — сказал старик, натягивая поводья.

Вельда подняла голову. Перед ней в ночной темноте проступали очертания городка — низкие дома с тёмными окнами, узкие улочки, едва различимые в свете немногочисленных факелов. Манмир спал или притворялся спящим. Тишина здесь была другой, нежели в лесу — не живой и дышащей, а плотной, настороженной, как у человека, который прислушивается к чему-то и не хочет, чтобы об этом знали.

— Благодарю вас сердечно, — сказала Вельда, спрыгивая с повозки. Плащ мягко осел вокруг неё, капюшон она поправила привычным жестом. — Вы оказали мне неоценимую услугу.

— Ты собралась туда сейчас идти? — старик смотрел на неё сверху, и в его голосе было что-то такое, что сложно было назвать просто вопросом. Скорее — последняя попытка

остановить человека, которого уже не остановить.

— Да, — просто ответила Вельда. — Именно сейчас.

Старик молчал несколько секунд. Потом медленно покачал головой — не осуждающе, а с тем особым выражением, какое бывает у людей, которые прожили достаточно, чтобы понимать: есть решения, которые не переспорить, потому что они приняты не умом, а чем-то глубже.

— Одна? В ночь? — произнёс он наконец.

— Именно так, — подтвердила Вельда. Она посмотрела на него — прямо, без вызова, но и без тени сомнения. — Не беспокойтесь обо мне, прошу вас. Я справлюсь.

— Эх, девица... — старик вздохнул — тяжело, из самой глубины. Так вздыхают не от раздражения, а от бессилия перед чужой судьбой. — Молодая ты ещё, а лезешь куда взрослые-то боятся.

Вельда не ответила на это. Не потому что возражать было нечего — просто некоторые вещи не требуют ответа.

— Ступайте с миром, дедушка, — сказала она негромко. — И благодарю вас за всё. За дорогу, за рассказ, за то, что не прогнали незнакомца с пустой дороги в вечерний час.

Что-то в её голосе — или в самих словах, или в том, как они были произнесены — заставило старика на мгновение замолчать. Он смотрел на неё с повозки, и выражение его лица сложно было разобрать в темноте.

Она сделала шаг назад, давая ему понять, что разговор окончен. Старик ещё мгновение смотрел на неё, потом тро-

нул поводья. Лошадь переступила, колёса скрипнули, и повозка медленно двинулась дальше по улице — в глубину городка, к какому-то своему ночному делу.

Вельда смотрела ей вслед, пока звук колёс не растворился в темноте.

Потом повернулась и посмотрела на Манмир.

Где-то в этом спящем городке стоял дом с кустом сирени. Дом, откуда по ночам доносилось чьё-то имя. Её имя.

Она поправила капюшон и пошла вперёд.

Дом Вельда нашла без труда. Его не нужно было искать — он сам находил себя. Стоял в конце узкой улочки, чуть в стороне от остальных, как человек, которого давно перестали замечать и который давно перестал ждать. Тёмный, приземистый, с провалившимися ставнями и почерневшей от времени кровлей. Но главным образом его выдавал куст сирени у входа.

Куст давно вышел из повиновения. То, что некогда было, очевидно, аккуратным декоративным растением у порога, разрослось в нечто, претендующее на весь фасад дома. Ветви сирени — толстые, узловатые, покрытые сухими соцветиями — карабкались по стенам, цеплялись за подоконники, тянулись к крыше. Цветы давно отцвели, но запах ещё держался — сладкий, почти приторный, странно неумест-

ный в ночном воздухе заброшенного места.

Вельда остановилась у калитки и прислушалась. Звук шёл изнутри — приглушённый, едва различимый, но явно существующий. Стон. Не резкий, не пронзительный — протяжный, низкий, похожий на звук, который издаёт человек, когда боль уже не острая, а давняя и привычная. Мужской голос, или что-то, что когда-то им было. Вельда огляделась по сторонам. Улица была пуста — Манмир спал, и спал крепко, явно предпочитая не знать, что происходит в доме с сиренью в ночные часы. Убедившись, что свидетелей нет, она сбросила плащ, аккуратно сложила его и пристроила на ограде калитки. Расправила крылья.

Окно под крышей — единственное, которое не было забито — темнело узкой полосой. Слишком узкой. Вельда прищурилась, оценивая, потом вздохнула и взлетела.

Протискиваться пришлось боком, втягивая крылья и стараясь не задеть гнилое дерево рамы, которое явно не требовало много усилий, чтобы осыпаться. Она едва не застряла — пришлось выдохнуть и буквально протиснуться сквозь проём, рассадив плечо о торчащий гвоздь.

Но она внутри. Чердак встретил её темнотой и запахом старины — пыли, сухого дерева, мышей и чего-то ещё, что сложно было назвать точнее, чем «время». Повсюду громоздились предметы — покрытые пылью, задёрнутые паутиной, потерявшие под её слоями первоначальную форму и превратившиеся в загадочные угловатые силуэты. Здесь было

что-то похожее на сундук. Там — очертания, напоминавшие прялку или ткацкий станок. В углу — стопка чего-то, что когда-то могло быть книгами.

Вельда стояла неподвижно и слушала.

Стон снизу продолжался — ровный, монотонный, с едва уловимым ритмом. А потом — деревянный скрип сделанный феей. Один. Резкий.

И тишина.

- Нет, — мысленно произнесла Вельда, и в этом коротком слове уместилось досадливое понимание. — Значит, оно знает, что я здесь.

Крылья она сложила немедленно — их шум мог выдать её раньше времени. Дальше только пешком, медленно, переноса вес с носка на пятку так, чтобы половицы не скрипели. Неизвестно, что прячется в этом заброшенном доме — а то, что неизвестно, лучше по возможности встречать с преимуществом внезапности. В полу чердака обнаружилась дыра — достаточно широкая, чтобы пролезть, и с остатками лестницы, ведущей вниз. Вельда опустилась на колени и принялась спускаться — медленно, ступенька за ступенькой, держась за шаткие перекладины и проверяя каждую прежде, чем перенести на неё вес. Нижняя комната встретила её темнотой — густой, но не абсолютной. Сквозь щели в ставнях проникали тонкие полосы лунного света, рисуя на полу бледные полосы. Этого хватало, чтобы различить контуры: стол у стены, кровать в дальнем углу, что-то ещё — смутные очертания

предметов.

Тишина была абсолютной. Вельда прислушалась — ни звука. Она медленно прошла к столу. На нём стояла стеклянная бутылка — судя по виду, с водой — и глиняная чашка. Старая, выдавшая виды, с трещиной вдоль края. На дне чашки засохло что-то тёмное.

— Что же здесь произошло? — задумалась Вельда вслух, и её голос прозвучал в тишине неожиданно громко.

— Наконец-то ты пришла, фея-волшебница.

Голос был отовсюду и ниоткуда одновременно — тихий, лишённый чёткого источника, но при этом совершенно отчётливый. Не эхо, не шёпот. Просто голос, существующий в пространстве без привязки к телу.

Вельда не вздрогнула. Выдохнула тихо — и шепнула заклинание. На ладони вспыхнул огонёк — некрупный, с кулак, жёлто-зелёного цвета, похожий на болотный огонь, только послушный и устойчивый. Свет лёг на стены, на пол, на потолок — и комната обрела размеры и содержание.

— Кто ты такой? — спросила Вельда, медленно поворачиваясь.

— Заблудшая душа, жаждущая покоя.

— Я не вижу тебя. Где ты?

— Я на кровати.

Вельда повернулась к кровати в углу. Подняла огонёк повыше — кровать как кровать, деревянная, с почерневшим от времени изголовьем. Одеяло лежало холмиком, как будто

под ним кто-то есть. Она подошла, взгляделась. Одеяло лежало слишком ровно для того, чтобы под ним находилось что-то крупнее кошки.

— Ты шутишь надо мной, дух? — произнесла она с лёгким раздражением. — Здесь тебя нет.

— Убери одеяло.

Вельда потянула ткань — тяжёлую, сырую от времени — и откинула в сторону.

На подушке лежала роза.

Красная. Ещё живая — лепестки плотные, не осыпавшиеся, стебель зелёный. Совершенно живая роза на кровати в доме, где месяц никого нет.

Вельда медленно выдохнула.

— Вот и я, — сказал голос.

— Ты... роза, — произнесла Вельда осторожно — не утверждая, а как будто пробуя это на вкус.

— Предвкушая твой вопрос — да. Ныне я роза. Но прежде я был человеком из плоти и крови. Я уснул на этой кровати — и, как ты видишь, более не проснулся.

Вельда смотрела на розу. Потом медленно опустилась на край кровати, держа огонёк на ладони, чтобы он светил ровно.

— Значит, ты неупокоенный дух, принявший форму розы, — произнесла она, скорее формулируя для себя, нежели спрашивая. — Но почему именно розы? Из всех форм — почему эта?

— Не знаю, — помолчав, ответил голос. — Лю... госпожа моя.

— Я не твоя госпожа, — сказала Вельда без резкости, но твёрдо. — Именууй меня попросту Вельдой, коли угодно. — Она помолчала. — Что ты почувствовал перед смертью? Если это не слишком тяжело — расскажи.

— То, что испытывают люди при тоске, идущей следом за радостью от осуществлённого желания. А за тоской — разочарование от некоторых совершённых деяний. — Пауза. — Я был счастлив. Потом был несчастен. Потом устал быть несчастным. Потом уснул.

Вельда прищурилась, разглядывая розу внимательнее. Что-то в форме лепестков, в изгибе стебля — что-то неуловимо знакомое, что не давало себя поймать. И ещё одна деталь: у основания бутона, там, где лепестки сходились в плотный узел, едва заметное пятнышко — тёмно-синее, почти фиолетовое, цвета ночного неба перед самым рассветом.



— Позволь уточнить, — произнесла она, продолжая смотреть на розу. — Кем ты был при жизни?

— Это не имеет более значения, — ответил голос и в нём что-то изменилось. Стало тише. Закрытое. — Я мёртв. Это всё, что сейчас важно.

— Понятно. — Вельда не стала настаивать — пока. — Но мне кажется, что я тебя где-то видела. Ты знаком мне. Молчание. Долгое, напряжённое.

— В самом деле? — голос, когда наконец появился, был нарочито ровным. Слишком ровным. — Нет. Мы не виделись.

Вельда не ответила на это. Просто запомнила — и эту паузу, и этот тон.

— В таком случае скажи мне, дух, — произнесла она. — Каким образом я могу помочь тебе обрести покой? Зачем ты призвал меня?

— Нам нужно отправиться в одно место. За озером Мано, в холмистых землях Риедсая.

Вельда чуть приподняла бровь.

— Там, где правит молодой король Энжен? Город Эрнберг?

— М-м-м... Да. Там есть место, где я смогу обрести долгожданный покой и умиротворение.

— Но почему именно ко мне ты обратился за помощью? — спросила Вельда. — Из всех существ моего леса и этих земель — почему к фее?

Роза помолчала. Потом:

— А к кому, по вашему мнению, мне следовало обратиться? — в голосе появилось что-то похожее на горькую усмешку — насколько вообще голос без тела может усмехаться.

— Не знаю, — пожала плечами Вельда. — К лесным кобольдам, например. Они знают лесные тропы лучше кого-либо.

— Зачем мне к ним? — растерянно и одновременно возмущённо отозвалась роза.

— Через лесные тропы они могли бы проводить тебя вплоть до места упокоения, — объяснила Вельда спокойно.

— Дорога неблизняя — Риедсаль за озером Мано, это не один день пути.

— Может, и могли бы, — произнёс голос после паузы. — Если бы умели летать, как птицы. И если бы смогли понять меня.

— Что ты хочешь этим сказать? — Вельда смотрела на розу.

— Вы отлично поняли, о чём я, — ответил голос просто. Вельда помолчала. Потом кивнула — медленно, как кивают, когда соглашаются не с чужими словами, а с собственным пониманием ситуации.

— Ну хорошо, — сказала она. — Отправляемся прямо сейчас?

— Да.

— Тогда...

— Стойте. — В голосе появилась неожиданная твёрдость. — Прежде нужно кое-что забрать отсюда.

— Что именно?

— Мешочек под кроватью. И там же — кинжал.

Вельда чуть прищурилась.

— Ты уверен, что они нужны в дороге?

— Да.

Она опустилась на колено и поднесла огонёк к пространству под кроватью. Там, в пыли и темноте, лежали два предмета: кожаный кошель, туго набитый чем-то, издававшим тихий металлический звон, и кожаный же чехол, из которого

выглядывала рукоять кинжала.

Вельда вытащила оба, осмотрела и уложила в свою сумку. Потом потянулась за розой.

Пальцы коснулись стебля — и один из шипов, выглядевший совершенно безобидно на первый взгляд, вошёл в кожу у основания указательного пальца с такой лёгкостью, словно кожи вовсе не было.

— Ай! — это вырвалось непроизвольно, прежде чем она успела сдержаться. Вельда отдёрнула руку и посмотрела на палец — тонкая полоска крови, небольшая, но весьма красноречивая. — Какие у тебя острые шипы, дух.

— Будьте осторожнее, госпожа, — произнёс голос — и в нём было что-то, очень похожее на беспокойство. Настоящее беспокойство, а не формальное.

Вельда смотрела на розу. Потом на каплю крови на пальце. Потом снова на розу. Она поняла окончательно, что перед ней не просто роза. Но кто именно — пока оставалось вопросом.

Она обернула стебель краем рукава, чтобы защитить пальцы, и аккуратно уложила розу в сумку поверх остального.

Улица встретила её ночной прохладой и тишиной. Вельда огляделась — никого. Манмир спал. Натянула капюшон пониже, запахнула плащ и двинулась по улице прочь, к окраине городка.

Дома по сторонам темнели закрытыми ставнями. Где-то в отдалении лаяла собака — лениво, без настоящей тревоги.

Булыжники мостовой поблёскивали от ночной росы.

У последних домов Манмира она остановилась. Впереди начиналась открытая дорога — поля, тёмные холмы на горизонте, ночное небо, полное звёзд.

Вельда сбросила плащ с плеч, не снимая его — просто дала крыльям свободу. Расправила их в ночном воздухе, чувствуя, как лопатки расправляются после долгого сидения. Земля ушла вниз.

Манмир остался позади — маленький, тёмный, спящий. Дорога внизу превратилась в светлую нить, тянущуюся к горизонту. Холмы Риедсаля были ещё далеко, за озером Мано, за темнотой, — но они были.

— Наконец-то домой, — произнёс из сумки тихий, одинокий, потусторонний голос.

Вельда летела и молчала. И думала о том, что знакомое пятнышко у основания бутона она всё равно где-то видела.

Глава 2.

Вельда летела долго. Следующая ночь перевалила за середину, а Риедсаль был ещё непростительно далеко — слишком далеко, чтобы думать о нём иначе как о завтрашней цели. Под ней проплывали тёмные леса, перемежающиеся открытыми луговыми пространствами — серебристыми в лунном свете, покрытыми высокой травой, что колыхалась медленными волнами. Деревья внизу сливались в единую тёмную массу, луга сменялись перелесками, перелески — снова лугами. Никакого жилья, никаких огней. Только ночь, только звёзды и только дорога — бледная нить, петляющая где-то внизу среди трав.

Крылья начали уставать. Сначала — едва уловимое жжение у лопаток, потом тяжесть, нарастающая с каждым взмахом. Вельда снизилась, выискивая взглядом подходящее место. Небольшая чаща у края луга подошла — тёмная, густая, достаточно укромная. Она приземлилась на опушке, сложила крылья и прислушалась. Лес дышал ночными звуками: шорохи, далёкий сыч, запах сырой земли и прелой листвы. Где-то рядом журчал ручей — негромко, но отчётливо. Вельда направилась на звук — горло пересохло от долгого полёта.

Ручей оказался узким и быстрым, перекатывающимся по тёмным камешкам. Выглядел вполне прилично. Вельда опу-

стилась на колено, зачерпнула воды ладонью и сделала глоток. О чём мгновенно об этом пожалела.

— Тьфу! — вырвалось у неё совершенно произвольно. Она принялась энергично сплёвывать, пытаясь избавиться от вкуса, который невозможно было описать иначе как болотный ил, смешанный с тиной и застоявшейся грязью. — Что за мерзость! Это вообще вода или жидкая глина, принявшая форму ручья?

Она встала, брезгливо отряхнула ладони и полезла в сумку.

— Выпью из своей бутылочки, — пробормотала Вельда, извлекая небольшой флакон с водой из лесного родника, припасённой ещё в волшебном лесу. Сделала глоток — и вкус знакомой чистой воды смыл неприятное послевкусие.



Подходящее дерево нашлось быстро — высокая раскидистая сосна с длинными горизонтальными ветвями. Вельда забралась на одну из них, прислонилась спиной к стволу и перевела дыхание.

Из сумки она достала несколько ягод — чернику и землянику, захваченные ещё из запасов волшебного леса. Съела не торопясь, глядя, как луна медленно сползает к западному краю неба.

Просто немного отдохнуть, — сказала себе Вельда. — Не спать. Только передохнуть — и дальше. До Риедсаля ещё слишком далеко, чтобы позволять себе лишнее.

Ночной воздух был тёплым и неподвижным. Ветер почти не чувствовался в глубине чащи. Ветка чуть покачивалась. Глаза закрылись сами собой.

Пробуждение обрушилось на неё как удар. Ледяная вода, совмещённая с начинающим вставать рассветным солнцем, хлынула сразу и без предупреждения — много, со всех сторон, с той безжалостной щедростью, с которой выплёскивают полное ведро, не заботясь о последствиях. Холод был такой острый и внезапный, что тело среагировало прежде, чем сознание успело что-либо осознать.

Вельда закричала. Но кричать оказалось некуда — она лежала на земле. Не на ветке, не на дереве — на земле, на чём-то твёрдом, покрытом ровным счётом ничем. И руки у неё были связаны.

Это она поняла в следующую секунду — когда попыталась подняться и обнаружила, что запястья стянуты чем-то грубым и тугим. Она дёрнулась — верёвка не поддавалась. Попробовала расправить крылья — те тоже оказались прижаты к спине каким-то ремнём, перехватившим их у основания.

Вельда резко села, откинув мокрые волосы с лица. И огляделась. Она находилась в лагере.

И повсюду — существа. Их было немного. Она не считала — потому что они двигались, толкались, переговаривались между собой с той оглушительной бесцеремонностью существ, которым понятие личного пространства незнакомо в принципе. Двуногие, человекоподобные сверху — широкоплечие, мускулистые, с лицами, которые при иных обстоятельствах можно было бы назвать почти человеческими, если бы не рога. Рога торчали над висками у каждого — кривые, острые, козы. Ниже пояса — шерсть, козы ноги, раздвоенные копыта.

Тот, кто держал пустое ведро — явно источник ледяного душа — был рыжим, молодым, с довольной ухмылкой во всё лицо.

Они смеялись. Именно так, как смеются козлы, если козлы умеют смеяться — громко, отрывисто, с нахальным са-

модовольством.

— Проснулась всё-таки, летунья! Ха-ха-ха! — заорал рыжий, потрясая ведром.

Вельда смотрела на них.

Вода стекала с волос на плечи. Связанные руки она опустила на колени — спокойно, как будто это было совершенно обычное положение вещей. Сделала медленный вдох. Выдох.

— Где я? — произнесла она ровно. — И кто вы такие? И что вам угодно от меня?

— Ты что, девочка, совсем заплутала, раз забрела к нам, к сатирам? — раздался голос из глубины лагеря.



Говоривший стоял поодаль от остальных — и это уже само по себе говорило о многом. Он был старше: это чувствовалось в осанке, в неторопливости движений, в том, как он держал голову. Шерсть на его ногах и боках была необычного, редкого цвета — тёмно-фиолетовая, почти сизая, густо прошитая сединой, отчего в целом напоминала сумеречное небо перед грозой. Рога были внушительнее, чем у прочих — широкие у основания, с лёгким закручиванием на концах, с характерными насечками, которые бывают только у тех, кто прожил достаточно. Голос у него был низким и медленным — без петушиного задора молодых, без спешки, без лишних слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.